

Н. Н. Митрофанов

"Тихий Крым" белого капитана Н. Раевского

Прожитый нами XX век, его чудовищные революционно-милитаристские потрясения жестоко сокрушили столько святого, общественно важного и личного, что даже в пределах биографии какого-нибудь редкого отшельника не от мира сего можно обнаружить следы многочисленных утрат и глубоких моральных травм, руины несбывшихся надежд. И вот что характерно: пришел следующий век, а жизнь не устает предъявлять все новые сенсационные иллюстрации разнообразных российских драм и свежие перечни потерь абсолютно невозвратных.

Изучая счастливо обретаемые первоисточники, мы часто приходим к весьма необходимым уточнениям исторических фактов, узнаем, чем жили и благодаря чему выжили страстотерпные наши предшественники -- кровная наша родня по минувшему угарному столетию. Что особенно поражает: выплывающие из далей времени дневники, эпистолярные собрания, мемуары зачастую способны соперничать с самыми дерзкими вымыслами романистов! Среди таких удивительных, не сгинувших в огнеопасной эпохе свидетельств судьба уготовила свое место и редкостному произведению Николая Раевского под названием "Добровольцы. Повесть крымских дней".

Я не читал похожих литературных работ о Крыме 1920 г., о будничной жизни тех, кто в рядах белого воинства жертвенно отстаивал тогда последнюю свободную территорию Великой России. Да и существуют ли подобной кондиции неизвестные нам вещи? Ведь чтобы так описать пережитое, нужен человек поистине уникальный. Высокоталантливый -- во-первых, и сам по воле Провидения закинутый в лабиринт исключительных ситуаций -- во-вторых. Ведя повествование от первого лица, автор с самого начала дает понять, что и главный герой, и его окружение -- персонажи действительности. Люди с настоящими именами, точными воинскими званиями и собственными характерами, принадлежавшие к определенным сословиям, с особой убедительностью свидетельствовали своим поведением, как все на самом деле было. Внимательно знакомясь с деталями житья-бытья молодого офицера-артиллериста Раевского, можно было составить достаточно полное о нем представление. Умен, образован, духовно развит, замечательно владеет пером. Раевский не скрывал, что регулярно ведет дневник. Наверное, поэтому так правдивы некоторые описания природы, метки характеристики, тонки фиксации психологических состояний сослуживцев и даже случайных попутчиков по крымским дорогам. Отдельные новеллы его жизни, сошедшиеся в обширном автобиографическом повествовании, часто весьма лаконичны, но в целом составляют чрезвычайно впечатляющее историко-художественное полотно.

А видел Николай Раевский в Крыму действительно немало. И плохого, и хорошего. Чуть не умер от тифа -- тяжело больной валялся среди таких же обовшивевших воинов-деникинцев в трюме корабля на феодосийском рейде, метался на койке в керченском госпитале, трясся на полке санитарного поезда. Избавившись от жуткой хвори, постигал премудрости воинской специальности в Севастополе в учебных классах Михайловского бастиона. Хоронил боевых друзей, недавних гимназистов, убитых выстрелами с вражеского бронепоезда. Ходил со своей батареей в ночные рейды по большевистским тылам. Ему по воле случая повезет не быть зарубленным после налета буденновцев на поезд под Геническим. В грянувший октябрьский мороз он с невероятными усилиями преодолеет пешком страшные версты вдоль Сиваша по Арабатской стрелке. А потом будет последний исход -- из Севастополя в Константинополь. Далее -- жизнь в Греции, Болгарии, Чехословакии.

В "Добровольцах" нет начала биографии главного героя -- лишь отдельные вехи военного послужного списка. Но у нас есть возможность осветить ее немаловажные моменты.

Николай Алексеевич Раевский родился в 1894 г. в уездном городке Вытегре Олонецкой губернии в семье судебного следователя. С ранних лет его отличала способность самозабвенно отдаваться избранному делу, умение творчески перерабатывать полученные знания. Из-за постоянных разъездов отца по делам службы хлопоты по воспитанию детей ложились в основном на мать -- Зинаиду Герасимовну, урожденную Преснякову. С чего такие первые домашние уроки начинались, Николай Алексеевич хорошо запомнил. Мама напевала ему стихи Пушкина, читала его сказки.

В 1899 г. пятилетнего мальчугана привезли из посада Малая Вишера, где служил его отец, на побывку к бабушке и дедушке. Николай Алексеевич через много лет так воспроизводил слова жившей там же прабабушки Софии, обращенные к нему: "Вот, Колечка, когда ты подрастешь, то вспомни, что я рассказываю тебе сейчас. Когда мне было 16 лет, на одном балу я видела Александра Сергеевича Пушкина, а моим учителем в Патриотическом институте благородных девиц был Николай Васильевич Гоголь. Когда подрастешь, узнаешь, кто были эти великие люди" ^{*1}. Слово знак судьбы пронес Николай Раевский по жизни воспоминание о той встрече в доме предков. И -- изумительно! -- этот-то талисман и вывел его в конце концов на столбовую дорогу, не дав заплутаться и погибнуть в